

**Неразличение свистящих и шипящих согласных
в языке русских старообрядцев,
живущих в США в штате Орегон ***

РОЗАЛИЯ ФРАНЦЕВНА КАСАТКИНА,
ЛЕОНИД ЛЕОНИДОВИЧ КАСАТКИН

Москва

*Валерию Николаевичу Чекмонасу —
яркому человеку и замечательному ученому,
энтузиасту полевой диалектологической работы.*

The article deals with the fricative consonants in the speech of the Russian Old believers in the American State of Oregon, which came here from Turkey. The authors defines that in some cases the informants have only sibilants, whereas the hushing consonants were lost and describe in details the articulation and acoustic features of the sibilants.

1. Весь октябрь 1996 г. мы прожили в Вудборне — небольшом городке на западе штата Орегон США, в доме известного американского этнографа Ричарда Морриса, посвятившего ряд своих работ исследованию русских старообрядческих групп в Орегоне [см.: Morris 1981; 1991]. Все это время мы записывали речь русских старообрядцев, живущих частично в Вудборне, но главным образом в его окрестностях — в поселке Вифлеем и на хуторах-фермах. В этих беседах нередко принимали участие Р. Моррис и другие члены нашей экспедиционной группы — С.Е. Никитина и Г.А. Барина. Результат нашей работы — магнитофонные записи на 48 часов звучания, они будут храниться в фонотеке Отдела фонетики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Эти записи послужили

* Исследование проведено при финансовой поддержке фондов International Research & Exchanges Board (IREX), грант 1995 г., и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), грант 96-04-12047.

основой данной статьи. (Записывали речь старообрядцев также и С.Е. Никитина и Г.А. Барина, эти магнитофонные записи пока хранятся в их личных архивах.)

Русские старообрядцы живут в Орегоне с начала 1960-х годов. Часть их жила раньше в Китае, в Синьцзяне и в окрестностях Харбина, куда их предки (родители, деды, прадеды) бежали от советской власти. В соответствии с происхождением сами старообрядцы называют эти две группы “синьцзянцами” и “харбинцами”

Еще одна группа старообрядцев, которую они называют “турчанами”, приехала в США в 1963 г. из Турции — в Орегоне они с середины 1960-х гг. Эта меньшая группа в свою очередь состоит из двух подгрупп, живших в Турции главным образом в двух местах: одни жили недалеко от южного берега Мраморного моря у озера Маньяс (“турчане” называют его Майназ или Майноз), в поселке Коджагёль (в другом произношении Кудягёль — ‘большое озеро’); значительно меньшая часть “турчан” жила в центральной части Западной Турции в поселке Казаккёй (‘казацкий поселок’), недалеко от озера и города Акшехир. Обе эти подгруппы — потомки донских казаков, бежавших с Дона после разгрома Булавинского восстания 1707–1709 гг. на Кубань, куда их вывел атаман Игнат Некрасов. В 1740 г., когда к Кубани подошли русские правительственные войска, казаки бежали и отсюда. Часть их переселилась на территорию современной Турции к озеру Маньяс. Внутри сообщества “турчан” их называют “кубанцами” или “майнозами” Сами они называют себя “некрасовцами” Другая часть казаков переселилась в Добруджу, в дельту Дуная, на территорию современной Румынии. Отсюда часть их в 1880–1890-е гг. переехала в Центральную Турцию, образовав поселок Казаккёй. Эту группу “турчан” “кубанцы” называют “дунаками”

В своем исследовании мы опираемся на речь следующих информантов:

Дунайцы (“дунаки”):

1) Евдокия Матвеевна Картал, 1920 г. рожд.; ее дочери: 2) Надежда Мефодьевна Якиш, 1936 г. рожд. и 3) Пульхерия Яковлевна Картал, 1961 г. рожд.; 4) Василий Яковлевич Якиш, 1929 г. рожд.; 5) его жена Арина Петровна Якиш, 1931 г. рожд.; их дочери: 6) Евдокия Васильевна Постникова, 1951 г. рожд., и 7) Васса Васильевна Краскова, 1957 г. рожд.; 8) Варвара Ефимовна Авги, 1933 г. рожд.; 9) Матрена Аверьяновна Авги, 1935 г. рожд.; 10) Татьяна Герасимовна Бору, 1937 г. рожд.; 11) Логин Перфильевич Бору, 1945 г. рожд.; 12) Георгий Петрович Кям, 1924 г. рожд.

Кубанцы:

Анна Изотьевна Пашина, 1936 г. рожд., в 1962 г. приехала из Турции в Россию, жила в Левокумском районе Ставропольского края, в Орегон переехала в 1993 г. Мы использовали также записи речи некрасовцев (“кубанцев”), переехавших в Россию в 1962 г. Эти записи были сделаны в Москве в 1964 г. С.С. Высотским и Л.Л. Касаткиным от Василия Порфирьевича Саничева, 1913 г. рожд., и его жены Анны Петровны Саничевой, 1917 г. рожд.

2. И у дунайцев, и у кубанцев сохраняются многие южнорусские диалектные черты, свойственные и современным донским говорам (есть и различия между говорами этих групп). Одной из таких черт мы решили посвятить данную статью.

Особенность эта — наличие в настоящем или в прошлом лишь ряда свистящих согласных и отсутствие ряда шипящих. На это фонетическое явление обратил внимание Майкл Биггинс, изучавший речь орегонских “турчан” в 1985 году. Он писал, что у “турчан” на месте твердых [s] и [š], [z] и [ž], [c] и [č] произносятся промежуточные ретрофлексные апико-палатальные согласные [s̺], [z̺], [c̺] [Biggins 1987, 81].

Еще раньше на эту фонетическую особенность в диалектах различных славянских языков обратил внимание А.М. Селищев, который отметил “совпадение в одном ряде согласных свистящих: *c, s, z*” ряда свистящих *c, s, z* и ряда шипящих *č, š, ž*. При этом “вместо *s, z* обычного образования бывают особые *s, z*, образуемые при более широком отверстии между кончиком языка и нёбно-зубной частью, при более глубоком и более широком канале, по которому проходит струя воздуха. В акустическом отношении это согласные — средние между *s – š* (*z – ž*), ближе к свистящим или шипящим: *s^f (š)*, *z^f (ž)* или *s^z (š)*, *z^z (ž)*” [Селищев 1968, 584].

Такое явление Селищев отмечает в некоторых русских говорах Сибири, возникшее в них под влиянием местных языков [там же, 596]. Однако в большинстве русских сибирских говоров и в говорах Европейской части России он отмечает другое явление: “Шипящие и свистящие согласные употребляются смешанно: *c* вместо *č*, *č* вместо *c*, *s* вместо *š*, *š* вместо *s*, *z* вместо *ž*, *ž* вместо *z*” [там же, 585, 596–599].

А.М. Кузнецова писала, что в некоторых русских говорах встречается произношение свистяще-шипящих апиально-какуминальных плоско-круглощелевых согласных [s^b], [z^b]. При этом она считала, что наличия одного ряда согласных на месте свистящего и шипящего рядов в русских говорах не бывает: “В тех русских говорах, где встречаются свистяще-шипящие типа *c^m* (*z^m*) и т.п.

[...] как факты фонетической системы, [...] эти согласные фонологически не противопоставлены согласным [с] и [з], а также согласным [ш] и [ж] [...] и никогда не представляют единственный ряд переднеязычных щелевых (как в финском языке). Их употребление в речи носит спорадический характер, выступая на фоне фонологического противопоставления согласных шипящего и свистящего ряда” [Кузнецова 1977, 94–100]. Такую же систему в донских говорах отмечают и другие исследователи [см.: Магин 1960, 107–113; Хмелевская 1970, 103–104, 148–149].

Иная картина наблюдается в языке орегонских “турчан” В фонетической системе четырех наших информантов есть только ряд свистящих согласных и отсутствует ряд шипящих. На месте твердых *s* - *š*, *z* - *ž* и с обычно произносятся звуки, обозначаемые нами как [s̺], [z̺], [ç]¹ Это альвеолярные круглощелевые звуки, при их артикуляции передняя часть спинки языка вместе с кончиком приподнята к альвеолам и у них распластана. Таким образом, это дорсальные согласные, их артикуляция отличается от артикуляции звуков [s], [z], [ç] русского литературного языка и большинства русских говоров лишь небольшой отодвинутостью языка от зубов к альвеолам. Эти звуки производят акустическое впечатление “тусклых” свистящих согласных. Гораздо реже произносятся альвеолярные дорсальные звуки с немного меньшей округлостью и чуть большей длиной щели, которые производят акустическое впечатление [s̺̹], [z̺̹], [ç̹], т.е. звуков свистящих с шипящим “оттенком” Такие же звуки, а также звуки [š̺̹], [ž̺̹], [ç̹], т.е. шипящие со свистящим “оттенком”, отмечались в разных русских говорах [см.: Кузнецова 1977, 98–100]. Спектральные характеристики подобных звуков в шведском языке см. в: [Ladefoged–Maddieson 1986, 86–87; 1996, 174–176]. Наряду с этими звуками, в речи указанных информантов изредка встречаются и зубные [s], [z], [ç].

М. Биггинс писал, что в языке “турчан” мягкие [s'] и [š'], [z'] и [ž'], в отличие от их твердых коррелятов, “сохраняют свой первоначальный вид” [Biggins 1987, 81]. Наши наблюдения говорят о другом: на месте мягких свистящих и шипящих в языке четырех наших информантов наблюдается только один ряд согласных. Обычно это передненёбные (альвеолярные) дорсальные звуки [s'], [z'], [ç'], характеризующиеся той же особенностью артикуляции, что и твердые [s], [z], [ç], и отличающиеся от них тем же, чем отличаются и

¹ Мы не имели возможности провести инструментальные исследования артикуляции этих звуков и основываемся при их описании на своих имитационно-интроспективных наблюдениях.

другие мягкие согласные от твердых — некоторой сдвинутостью тела языка вперед и палатализацией, дополнительным приподнятием передне-средней части языка к твердому нёбу. Встречаются также и зубные [s'], [z'], [c'].

Приведем отрывки из речи двух наших информантов, иллюстрирующие наличие в их идиолектах только одного ряда свистящих согласных.

Рассказывает Арина Петровна Якиш (родилась в 1931 г. и жила в поселке Казаккёй, с 1963 г. в США — сначала два года в штате Нью-Джерси, затем в Орегоне, в поселке Вифлеем):

— *Арина Петровна, ... ваши предки откуда?*

— násy pr'ětk'i iz: raš'íi u rəman'íi ll a iz rəman'íi u búlga l u jétu ll túrcy ll ə pómn'u kák nam l étə l mámn'in'ka raš'káz'əvəla l š'tə ll kadý ll iz ll iz raš'íi náš'ý uxad'íl'i ll u rəman'íu ll to n'i (= они) l kráduč'i ub'iyál'i ll to n'e (= оне) ll an'í ták ub'iyál'i ll fš'ó švajó zap'jór'i ll i búcy l i škatú l i xfábr'ík'i l i vš'ó ll i nóč'u ub'iyál'i l tól'k'i ll tól'k'i uz'ál'i rubášk'i ll š'ib'é l dy ikóny ll xtó kól'k'i móx ikón ll də d'én'y'i l kak'íi býl'i ll ə ywət' (= говорит) ll d'éduška l d'éduška ll təkájə u jó (= у него) bə l bəl'sájə ik ll ikónə bəlá t kazánskə ll yón yjó uzé ijé na šp'inú p'ir'iv'izáə ll i: š éj pəš: l špušt'íšə on ll u r'éc'ku l p'ir'iplát' p'ir'ip'íy' ll i tág žə us'é l i l an'é znáč't kadý n'é (= они) ll uxad'íl'i l to ən'é ll štə no yran'fcy ll kyraul'ut' ll to n'í jix l žadar'íl'i ll š'tob an'ix p'ir'iv'iz'í'i ll p'ir'iv'í'í ll tó ən'é ivə ll jib u jix təkój byj dəyavór l štə éš'l'i ja š:v'is'á.nu ll vo štóbə a tám kuš's: l kuš't'ý býl'i l znat' kadá my p'ir'ib'iyál'i ikuštóbə ll ə us'é pádəj'e u kušt'ý ll a kadý druvoj raš šv'is:nu l kadý n'é ujdút' ll to tadý vy vs'é ll ustaváit' i j b'iyít'ə ll to bábuška yəwət' (= говорит) náša yot' [...] ll n'e majá bábuška l a bábuškyna bábuška ll to žə mnóyə l'ét prašlò ll á bə tól'k'i pómn'u l kak nam raš'kázəvəll'i ll tó yovər'ít' aná yəvər'ít' aná kak rás: ll upálo l i nayá ijó na daróšku upalə ll nóč'ý t'ómnə byló l n'í v'ídnə ll i en'é kón'am'i b'éyl'i l jej na nayú ll nə ll na jéty ll on kadý š:v'isnu l an'é vs'é papádal'i ll to yəvər'ít' ə ll no kadý n'é praš'éyl'i l i kák aná n'í zakryč'áto l kak aná sat'ir'p'élə l aná uzé [...] ja dúmajú da ll i jířəvə ll i kadý [...] ll kadý on šv'isnuš'ə ll an'í stáli ustəvád' b'eč' l a bábuškə n'í móžə b'eč' ll nayú kón' sləmát'i ll to ə yan'é l an'é tadý imú škəzál'i l on tadý na švoj kón' ijó pəsad'í' l i p'ir'iv'ijos yjó l č'er'iz yran'fcu ll — *А кто?*

— nu l kəraul'íšk' ll da ll kák ix nazvát' l štó yran'fcu kəraul'a da ll

В речи А. П. Якиш встретились и другие примеры произношения [š:], [š'] на месте литературного [š:], [š']: *ktádb'iš'i, šv'is'én'ik'i, nastajás'ə, dós: pəjd'ó, dós' n'í prajd'ó, výtəš'íl'i, žəš'is'ájut', praš'áca, papraš'ájš'ə, muš'ínə, šv'is'énstvə, žəpr'is'ál'i, patás'ít'*, а также на месте литературного [š] перед мягким согласным: *uš'íy, p'ir'is'íy, paš'íy, šaš'ós (сошьёшь)*; произношения [z':] на месте литературного [žd']: *daž'ó-ž'ə (дождёшься)*.

Рассказывает Надежда Мефодьевна Якиш (родилась в 1936 г. в поселке Каззакэй, в 1957 г. с мужем переехала в турецкий город Карс, где жили еще две семьи старообрядцев, в 1994 г., после смерти мужа, приехала в США, в Орегон, живет в поселке Вифлеем):

— *А по-турецки вы хорошо говорите?*

— da | pə tur'éc'k'i mə xərəşəb rəzɣəvár'ivəim | kən'énənə | tam rad'íl'is' táma ||
parəs'íl'iz' ɣul'ál'i fš'o wɪm'ést'ušk'i || s turç'ánəmə

— *С турчанами вместе, да?*

— mʉi xərəşəb druzýl'i ||

— *А сколько вы классов ..., сколько учились в школе?*

— [...] u náşu vr'ém'u || n'i býlɔ u náş škóty || aɣá || tadý n'i býlɔ zə u kadý
mʉ? || býl'i maladýj || n'i býlɔ škóty | a pós'l'i tóha škótu z'd'élal'i | uzé moj
brát || ş'istrá majá || an'f xad'íl'i vʉ škótu | no a já n'i xad'ílə v škótu || wot y za
étə || ş:l'ipýj | n'ic'io n'i znáim || ɣlupýj ||

— *А церковнославянскую грамоту знает?*

— n'e: ||

— *Тоже нет?*

— a n'i wuc'íl'i naş ||

— *Не учили?*

— n'i uc'íl'i | ródnəə majá | n'i uc'íl'i nas | n'et ||

— *А когда все поехали, то... сколько там семей-то осталось русских?*

— rúskyx tam buló || i ş'ás rúsky é || dv'i fam'íl'ii buló || tól'kə || aɣá || n'ína || i
trax'ím býl'i || ş'ás rúsky an'f býl'i || uót ʉi mý býl'i táma || moj byə z'a'at'ín
s't'ipán | on məlakán byə || məlakán'in || on pam'ór | a və ja budá pr'ijéxələ | i
ták aştalás'ə tút uzzə || wot pr'id'ót' || pať pásku u v'il'íkəmu paştú || tr'i ɣódə | u
m'in'é uz na ç'it v'órtəj ɣot pajdú ||

В речи Н.М. Якиш встретились также примеры произношения [ʃ:], [s'] на месте литературного [š]: *saş':ítəvəüt', nap'ís'ə* (= *пицца*; ср. *напиток*), *muş'ínə, muş'ínət, ruş'ajut', is'ó, n'i ş'itájuut', pət'is'áicə'* на месте [š]: *şaş'ót* (*сошьём*); произношения [z'] на месте литературного [ž]: *dóž'ic'ik, dóž'ic'ə*.

Акустические характеристики согласных звуков, произносимых Н.М. Якиш на месте *š* и *s*, можно видеть на рисунках 1 и 2, где приведены осциллограммы и динамические спектрограммы слов *škóty* (*школь*), *rúskyj* (*русские*) и огибающие мгновенного спектра звуков типа [ʃ] в этих словах. Положение курсора на осциллограмме и динамической спектрограмме показывает место, откуда получен мгновенный спектр этого звука. Для сравнения приводим соответствующие акустические характеристики согласных [š] и [s] в произношении носителя литературного языка (рис. 3 и 4).

Для спектра [ʃ] характерно заполнение почти всего диапазона частот, начиная с 500 *гц*, шумовыми составляющими. (Возможно,

шумы в низкочастотных областях неречевые и объясняются недостаточностью “чистыми” условиями записи). Максимумы концентрации энергии наблюдаются в зонах 3,5 - 4, 6, 7,5 кГц и выше. В спектре [š] литературного языка характерный шум появляется выше 1 кГц, максимально усилены шумовые составляющие в областях 2,5 и 5,5 кГц. Спектр свистящего [s] литературного языка характеризуется локализацией шума в высокочастотной области. Максимум звуковой энергии располагается в зонах 4,5 и 5,5 кГц.

3. Мы решили выяснить, понимают ли “турчане” эту особенность их языка. Евдокия Васильевна Постникова и Васса Васильевна Краскова родились в поселке Казаккёй и с родителями в 1963 г переехали в США. Сначала, как и все, жили в переселенческом лагере в штате Нью-Джерси, а с 1965 г. в Орегоне; сейчас живут с мужьями в г. Вудборне. Е.В. Постникова два года училась в турецкой школе, в США сама научилась читать по-английски, знает кириллицу и читает по-славянски. В.В. Краскова кончила 7 классов английской школы, читает по-славянски. Однажды во время разговора с ними одна из них сказала, что их речи свойственно шепелявенье. Мы спросили, что это значит. Вот их ответ:

— В.К.: Ну, када, када “сэ” надо, мы “шэ” говорим, када надо “шэ”, а мы “сэ” говорим. Када “жэ” надо, мы “зэ” говорим, када “зэ” надо, мы “жэ” говорим. Мешаем их. [...] Я помню Савелия, [...] он нас учил по-славянски. А мы вот такú проблему имели! А он по-славянски где “жэ” надо, он и говорит “жэ”. А у нас никак “жэ” не говорится: “зэ” Он говорит: “Жэ! И понимаете — жэ!” А у нас язык не говорит “жэ” “Зэ” говорим, и всё. [...] Я, наверно, мне уже лет восемнадцать было, я едва-едва могла сказать “жэ” и “шэ” Вот “сэ” и “зэ” только было, и больше не было никого.

— Е.П.: А мы-то ещё так и привыкшие же к этому, к “сэ” да “зэ”, то сильно трудно было переучиться. Кто мог язык свой переломать, переломал. А как я не могу переломать, так и осталася с етим. А и старалася. [...]

— Л.К.: Скажите, пожалуйста, а вот вы когда жили в Турции, там старшее поколение ваше тоже “сэ” и “шэ” путали, да?

— В.К.: Наши родители так и говорят.

— Л.К.: Они “шэ” и “жэ” не знали, да?

— В.К.: Они не знали, нет. Они не знали [...] вообще. Только когда по-славянски стали нас учить, и тама же (перечисляет буквы славянского алфавита). Тама и есть. А мы не знали русские буквы совсем. [...] А когда вот стали нас учить по... Интересно, я вот иногда слушаю отца свовб. Он когда по-русски говорить, он, он “жэ”, “зэ” и “жэ” не различать. А когда по-славянски читаеть, различать, потому что он там уже его вывучил.

Этот рассказ подтверждает, что исконной в языке “турчан” была система с одним рядом свистящих согласных при отсутствии ряда шипящих. Он объясняет также одну особенность, отмеченную многими исследователями, наблюдавшими это явление в русских говорах: встречается оно главным образом в речи женщин [см., напр.: Магин 1960, 107–109; Biggins 1987, 255].

Русские старообрядцы в Турции долгое время жили изолированно от коренного населения. Вначале они жили в чисто русских поселках и лишь значительно позднее, в XX в., в этих же поселках начали селиться турки. Тогда там появились турецкие школы, куда стали ходить и русские дети. Но все время проживания в Турции русские старообрядцы сохраняли знание церковнославянского языка, на котором читались вывезенные их предками из России священные книги и велись церковные службы. Наставники вели занятия с детьми, обучая их чтению церковных книг. Как правило, учениками были мальчики, девочек обычно читать не учили. Даже и сейчас те орегонские старообрядцы, которые могут читать и писать по-русски, знают только кириллицу, современную русскую скорописную азбуку они не знают и читать “гражданскую скоропись” не умеют.

Поскольку в церковнославянском языке имеется различие между свистящими и шипящими, то “турчане” усваивали согласные шипящего ряда при обучении славянской грамоте. Различение согласных двух рядов и их распределение в словах, подкрепляемое постоянной практикой чтения, переносится и на бытовую русскую речь. Такая картина наблюдается в произношении мужчин и у некоторых женщин.

Однако возможны и такие случаи, когда полученные при обучении славянской грамоте знания не подкреплялись дальнейшей практикой. И тогда в речи таких информантов наблюдается довольно сложная картина реализации свистящих и шипящих: наряду с различением согласных этих двух рядов есть и случаи их этимологически неверного употребления. Это наблюдается в речи некоторых женщин, которым удалось в детстве выучиться церковнославянской грамоте, но в дальнейшем они не могли этот навык подкреплять постоянным чтением, как это было у Е.В. Постниковой, или они недолго учились читать по-славянски в более позднем возрасте, как В.В. Краскова. В качестве иллюстрации приводим отрывок из записи нашего разговора с Е.В. Постниковой и В.В. Красковой, где они говорят о детских играх в Турции.

— В какие игры вы играли в Турции?

— Е.П.: nu étə próstə l ə ot ll znáış l nač'ir ll nač'irtn'óšs nə ll nə paŋú tə i l prýgəiš l škókəiš ta ll pətóm u v'ir'ówk'i prýgə

— А как это называлось, когда прыгали по начертанному?

— Е.П.: č'ikm'é nažəvál'i my ll étə pətur'éck'i ll a parúšk'i ll ja dážə n'i znáju kak ll

— А по-русски классики это называется.

— Е.П.: a mý vot č'ikm'é ták iy zvál'i l i fš'ó vot pətur'éck'i ll

— В.К.: ak mý ll málin'k'ii býl'i ll my málin'k'ii býl'i l v d'ir'ivn'áx tóžə nap'isym ll davái č'ikm'é igrát' ll ót ka tak my č'ikm'é zvál'i ll pətəmu što l my d'ét'i tak stýkál'i l tak i l my i zvál'i ll

— Е.П.: a kagdá nášs'y ll iš raš'i ušl'i l tadá takú igrú i n'i igrál'i ll dúməju i šl'óva n'i znál'i takónə parúšs'k'i ll

— А это веревочку крутить, как это называли?

— Е.П.: tóžə l u v'ir'óuk'i prýgat' ll

— У нас тоже, через веревочку.

— Е.П.: ŋi wót ə l tám u kul'úc'k'i my nəzyvál'i l étə l pr'átəlk'i ll my kul'ú-č'k'i nəzyvál'i ll kə ll xəran'ŋi's'a ll ŋi ot u kl'ópa iš's'o jés' l my igrál'i étə kl'ópa znášs (= знаешь) ll vot takájə l takájə páfəč'ka ll i takájə ll málin'ku páfəč'ku l da ll i t'ip'é'r' bal'šúj'u páŋku ll i vót ty étu ll ŋi vot ták páfəžs'əs páfəč'ku l étýj páfəkəj kak dás' étýj kl'ópa l kl'op l'ir'it' ll

— В.К.: a ty l my u tálk'i (= латя) fs'e lóv'im jivó l il'i u fártuk'i ll

— Е.П.: [...] a jés'l'i ty pajmáš ll ty l t'ib'é l znáč'icə ty pav'iz'ýžə zə jóm l za ét'im ll [...] a jés'l'if katóry kapál'i ta ll t'ip'é'r' jés'l'if [...]

— В.К.: [...] u jáməč'ku l my u jáməč'ku yul'ál'i fs'i'ydá ll my v zápeny (= фартуки) jivó lav'ŋi ll xto pajmáit l to jivósnəjə óč'ir'id' b'it' ll no a fs'e štal'nýi (= остальные) l to l lóv'ut ll

— Е.П.: o k'éj l a tó bylá ll byvələ š's'e (= ещё) štə l ták štə my igrál'i ll ót kapál'i ɣamáný (= площадки) ll t'p'é'r' fs'éi páfəč'k'i ét'i im'éim l dl'ŋy: da ll i ll kl'óp étəj (= эрот) za ll zə l zə l zaš'l'óm ivo kudá n'ébut' l i vot katóryj ylavnə l nat jétəj jáməč'kəj staif' l on dólzən pad l padb'éč' i [...] pajmát' toj kl'op ll á my etə ll ə l iz'v'in'it'i za vərazén'ijə žž'ópu kapát' ll i vód daváj kapáj ll [...] nu raškapáim fš'ó itə ll

— В.К.: a ón paká b'éyət l a mý imu zópu kapáim ll

— А это турецкая игра или русская?

— Е.П.: n'et l ja tə dúməju štə étə rúškəjə l pətəmu š'tə l n'ikagdá tur'éck'i d'ét'i l ét'i igry n'i igrál'i ll ŋi ot my ll dándər ar'éš'k'i igrál'i l iš's'ó l znášs o ták ə ll

— А это как?

— Е.П.: éta l a étə mý ll ták šxvátims'ə ad'in zə dnao (= одного) ll rəš: ll i l étə ll a ad'in támə l búd'it' paš'l'éd'n'ivə lav'it' ll i o takó:j l bal'šó:j kruy d'it'éj l ot kák ll pa'l'i ll na túju štoranú l kak pav'iyim l kaetóy zád'i (= сзади) l znášs kak l'it'it' étə kruyóm tə nádə l znášs (= знаешь) ll a jétə tút yvo dalžən ll dalžən pajmát' ll xto pajmáit' l t'p'é'r' (= теперь) u jétýj stanóv'ica ll jétýj p'ir'éd'n'ij tak p'ir'ixód'it l p'ir'ixód'it l p'ir'ixód'it ll [...]

— В.К.: a u kałáncəx tóžʔə || ót my u kałáncəx igrál'i || § v'éč'c'irə də v'éč'c'ira || už'e v'ic'ém'ə naš || [...] id'ót || pám'it' tə my | kak útrəm | paəb'édəim || §'ád'im || də | də v'ic'ém'i ||

— Е.П.: kámušək znáiš || pədrášəvəiš adín kámušək ||

— В.К.: p'át' kámušək [...] my u d'és't' ɣul'ál'i [...] || a p'érwə w p'át' my || i wót || ə || na rúku polóžʔəš | škól' pajmáiš | dva || dva pəl || dva pajmáiš || katóraj' č'ila v'ək kələ t'ib'é || on dólžən ix atrabátəvət || to | a | a | on p'ját' pajmáit' | dva ətrabótəl || svəfx | to tr'i už'e p'ir'idajótə drugómu || [...] dva pajmáil | s pót on už'e svəfx s'n'ái | on əbrátə mn'e ix p'ir'idál' || i a patóm || [...] dólžən ix pajmát' || pədrós'iš | pajm || i || vaz'm'óš' étyj kámušyk | i drugóy pajmáiš || i ták fš'ə || a patóm | kədə || i ták p'irik'idəš || i || i || tut || sudý zəgan'áiš || ptom kədə už'e fš' u igrú prəigrá | prəigráiš || də kəncá | i támə mnógə ráznəx || š't'i | š't'ip'in'ėj || to | to || to na rúku ix polóžʔəš' || ix nə || skol' pajmáiš' fš'ex | p'at' fš'ex pajmáiš | to p'jat' | p'ad' dólž'ən ətrabátəvət' || to tožə gəvər'il'i ||

— Е.П.: a pə'tóm n'et || a jés'l'if p'at' pajmáiš' || to ty pədałz'áiš' igrát' | a jés'l'if ad'in il'i dvá upád'it' | tə tadá už'e toj || druyóy igrát' | ty užə s'id'fš' ||

— В.К.: dá étə || da | és'l'if xot' kaku ašipku zd'éləš || és'l'if || to || usudý n'i zə || n'i zəyón'is m'ima || [...] || to r'áfka kón'č'išəš' | u z'ə drugóy igrát' || [...]

— Е.П.: vəpč'é n'é bylə u náz' z'ə tám | n'i t'il'iv'fzəryx | n'i rád'iix | n'ič'ó n'i butó | my č'ém tə fš'ə zərabəvl'ál'is'ə | u | xátkyx tam | ku kúkləx pənakrú-t'im | znáiš' étə || tak igrál'i

— *А куклы что? Сами так делали?*

— Е.П.: da || da || stáryi tr'ápk'i [...]

— *А что, шили?*

— Е.П.: próstə xtó pə || naš' || paš'ót' | és'l'if u kowó tr'ápk'i jes' | to tót saš'ót' | i aná imú fs'i ydá kúkləc'kə || a kak u nás n'étu | to my nəvarúim tam | plátków də kawó | i ták nəkrút'im || pajgráim | a pə'tóm šnəwə fš'ə [...] atn'is'óm pəłóž'ym ||

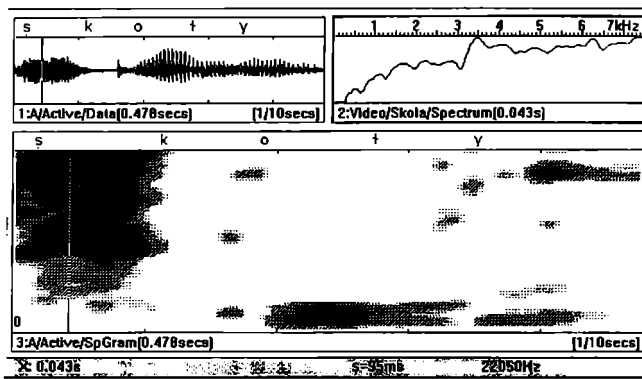
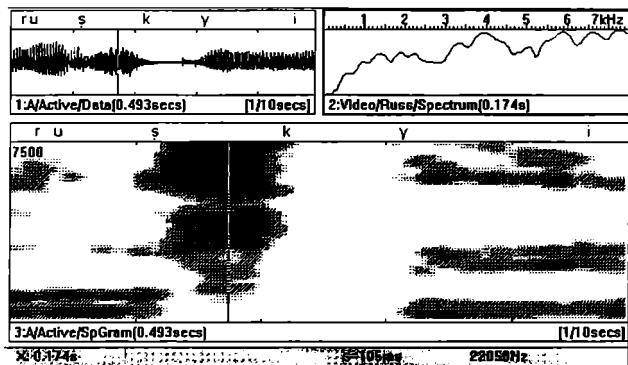
Приведенный текст дает достаточно верную картину употребления Е.В. Постниковой и В.В. Красковой свистящих и шипящих звуков. На месте этимологических *s*, *z* и *š*, *ž* они часто произносят одни и те же альвеолярные свистящие [š], [ž], на месте *s'*, *z* — [s'], [z']. Вместе с тем в их речи наблюдаются и значительные отклонения от этой системы в сторону различения согласных этих двух рядов. Так, достаточно часто они произносят зубные [s], [s'], [z], [z'] на месте исконных свистящих, а на месте шипящих такие примеры единичны. На месте *s'*, *z'* часто произносятся [š^s], [ž^s], [š^z], [ž^z], а также обычные неволяризованные [š], [ž], тогда как на месте *s*, *z* такие примеры единичны. На месте *š*, *ž* изредка встречаются и ретрофлексные [ṣ̌], [ẓ̌]. На месте *s* произносится [c]. На месте *č'* редко встречаются свистящие [c'], [č'], [c''], чаще переходные звуки от свистящих к шипящим типа [č^v], [č^c], но главным образом — [č̣]; редок и рет-

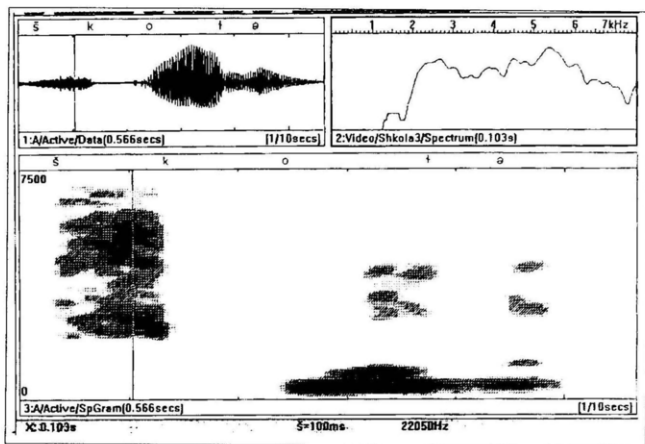
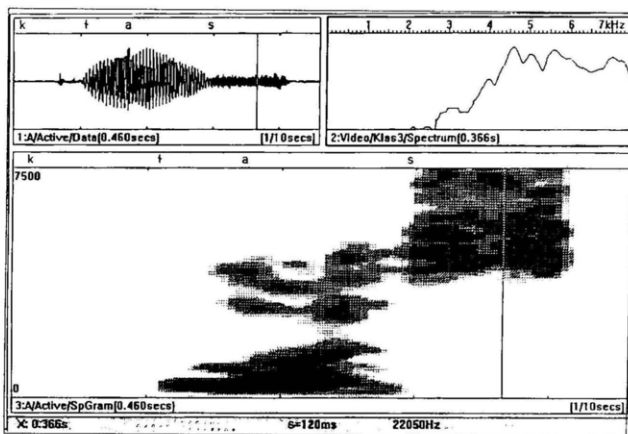
рофлексный [č']. В соответствии с литературным [š':], а также [š] перед мягким согласным произносятся [š':], [š''], [š'']. Таким образом, “смешение” свистящих и шипящих, о котором говорят сами Е.В. Постникова и В.В. Краскова, в их речи проявляется, как правило, в произношении свистящих на месте шипящих, но не наоборот.

На рис. 5 и 6 приведены осциллограммы, динамические спектрограммы и мгновенные спектры звуков [š'] и [s] в словах *š'kótax* (*школах*) и *ktas* (*класс*), произнесенных Е.В. Постниковой. Спектрограммы отражают различия между этими звуками: у [š'] характерный шум начинается в области 2,5 кГц, и основные максимумы энергии расположены в области 3 и 6 – 7 кГц, а у [s] характерный шум, как это видно по динамической спектрограмме, начинается с 3,5 кГц, и основной его максимум в области 6 кГц и выше. По этим спектрограммам видны отличия между звуком [š'] и звуком [š] литературного языка (см. рис. 3): основные максимумы энергии у [š'] сдвинуты на 0,5 кГц выше по сравнению с [š], что связано с большей близостью [š'] к [s].

Осциллограммы на рисунках 1–6 отражают еще одну особенность речи “турчан”: большую напряженность глухих спирантов по сравнению с согласными литературного языка в позициях перед согласным и на конце слова; ср. их амплитуды.

4. Можно выделить три группы “турчан”, различающихся по наличию в их речи свистящих и шипящих согласных. У одних сохраняется древнейшая система с наличием только ряда свистящих и отсутствием ряда шипящих; при этом согласные свистящего ряда артикулируются, главным образом, в переднеязычной зоне. Среди наших информантов это А.П. Якиш, Н.М. Якиш, М.А. Авги и В.Е. Авги. Ко второй группе можно отнести Е.В. Постникову, В.В. Краскову, Т.Г. Бору, в языке которых уже сформировалось различие между свистящими и шипящими согласными, но часто они употребляют свистящие на месте исконных шипящих, в единичных случаях наоборот, часто и артикулируют свистящие в переднеязычной зоне. К третьей группе относятся те, у которых произношение свистящих и шипящих соответствует норме русского литературного языка, и употребляют они их этимологически правильно. Надо, однако, сказать, что и у этих “турчан” мы отмечали единичные случаи этимологически неверного употребления свистящих и шипящих. К этой группе относится, в частности, Г.П. Кям, наставник одной из “турчанских” церквей, не только постоянно читающий церковные книги, но и ведущий дневник — своеобразную летопись жизни старообрядцев его конфессии.

ис. 1. Диктор Н.М. Якиш, звук [s] в слове *školy* (школа).ис. 2. Диктор Н.М. Якиш, звук [s] в слове *riskyi* (русские).

Рис. 3. Диктор Р.Ф. Касаткина, звук [s] в слове *škola* (школа).Рис. 4. Диктор Р.Ф. Касаткина, звук [s] в слове *klas* (класс).

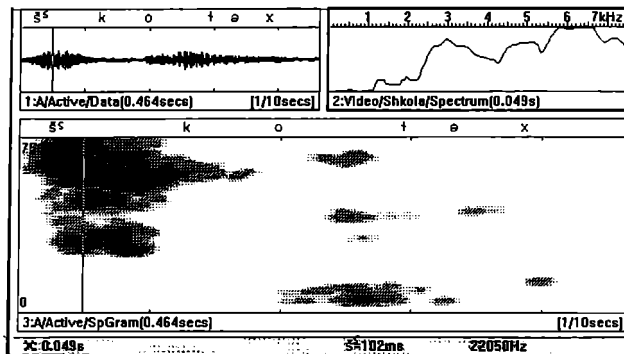

Рис. 5. Диктор Е.В. Постникова, звук [sʰ] в слове *škola*х (школах).

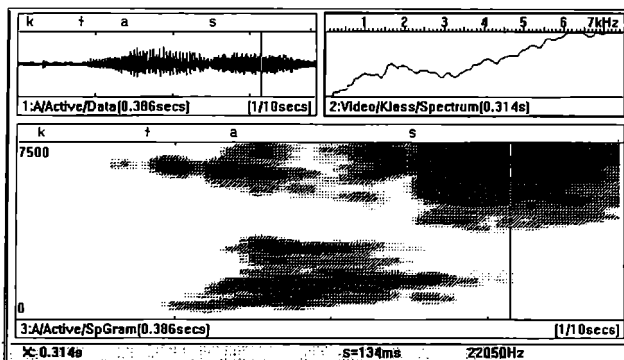

Рис. 6. Диктор Е.В. Постникова, звук [s] в слове *klas* (класс).

ЛИТЕРАТУРА

- Кузнецова, А.М. 1977: Разновидности способа образования согласных в русских говорах, in С.С. Высотский (ed.), *Экспериментально-Фонетические исследования в области русской диалектологии*, Москва, 60-184.
- Магян, В.А. 1960: *Очерк черкасского говора*, Таганрог.
- Селищев, А.М. 1968: Соканье и шоканье в славянских языках, in *Избранные работы*, Москва, 584-604.
- Хмелевская, Т.А. 1970: *Русские говоры Дона (фонетика)*: Учебное пособие для студентов филологических факультетов, Ростов-на-Дону.
- Biggins, M.E. 1987: *A South Russian dialect in Oregon: the "Turkish" Old Believers*, University Microfilms International.
- Ladefoged, P. & Maddieson, I. 1986: *Some of the Sounds of the World's Languages*, UCLA Working Papers in Phonetics, 64, November 1986.
- Ladefoged, P. & Maddieson, I. 1996: *The Sounds of the World's Languages*, Cambridge, Massachusetts, USA.
- Morris, R.A. 1981: *Three Russian Groups in Oregon: A Study of Boundaries in a Pluralistic Environment*, Unpublished Ph. D. dissertation, University of Oregon.
- Morris, R.A. 1991: *Old Russian Ways: Cultural Variations among Three Russian Groups in Oregon*, New York.